

д.и.н., проф. С.И. Маловичко
д.и.н., проф. И.Б. Орлов (Москва)

XI Астаховские чтения¹

4-5 июня 2010 г. в Харькове на базе Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина совместно с Харьковским гуманитарным университетом «Народная Украинская Академия» состоялись XI Астаховские чтения на тему: «Науковедение и история исторической науки». В основу работы конференции были положены следующие направления: историография как науковедческая дисциплина; диалектика внутренних и внешних факторов развития исторической науки; парадигма как познавательная категория: опыт и перспективы использования в социально-гуманитарных науках; наукометрические подходы и методы в историографических исследованиях.

Исторический факультет Харьковского университета (во многом благодаря усилиям его декана С.И. Посохова) за последние годы превратился в настоящую международную историографическую площадку, привлекающую внимание историков, источниковедов и историографов не только Украины, России и других государств СНГ, но и зарубежных исследователей.

Работа XI Астаховских чтений была организована в трех секциях: «Теоретические новации в современной историографии», «Науковедение и историография» и «Проблемы истории исторической науки и образования». Однако программа конференции была построена таким образом, что все участники конференции смогли принять участие в работе всех секций. Это дало возможность провести дискуссию практически по всем докладам.

После презентации новых изданий по проблемам историографии (что стало уже традицией для Чтений), заместитель директора ИВИ РАН Л.П. Репина в докладе о теоретических новациях в современной историографии отметила многообразие и неоднозначность тенденций развития

¹ *Опубликовано: Маловичко С.И., Орлов И.Б. XI Астаховские чтения // Российская история. 2011. № 3. С. 202-203.*

историографического пространства. Наряду с расцветом микроисторических исследований, фактически в начале XXI в. сформировалась новая научная дисциплина – глобальная история, опирающаяся на представления о когерентности мирового исторического процесса. При этом, по мнению Репиной, современное понимание глобальной истории подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития. В конце XX в. под влиянием «культурологического поворота» в рамках социокультурного подхода была поставлена задача раскрытия культурного механизма социального взаимодействия. В этой связи можно говорить о формировании над-дисциплинарных областей социогуманитарного знания, например, гендерных и культурных исследований. Что же касается большинства выделившихся субдисциплин, то они имеют общий теоретический, методологический и концептуальный арсенал, отличаясь лишь предметной областью, что создает предпосылки для их сотрудничества и, в перспективе, реинтеграции. В связи с вышесказанным, докладчик актуализировала вопрос о формировании нового исторического сознания, новой исторической культуры и нового образа исторической науки. В частности, поиски новой исследовательской парадигмы привели к разработке концепций исторического развития, группирующихся вокруг разных версий и теорий «прагматического поворота», когда на первый план вышел вопрос о том, как исторические акторы изменяют социокультурные условия своего существования и деятельности. В итоге критических настрой в отношении макроподходов сменился ориентацией на интеграцию микро- и макроаналитических подходов.

Докладчик заметила, что происходившее в историографии рубежа XX-XXI вв. движение в направлении новой концептуализации социально-исторической релятивности, опиралось, прежде всего, на социологические теории восьмидесятых годов, противостоящие концепциям постмодерна. Отправным пунктом социально-исторического анализа становятся не структуры, а практики, обогащенные анализом ментальных актов и

интерпретационных схем действующих индивидов. В этой деятельностной перспективе Л.П. Репина видит шанс раздвинуть узкие шоры привычного ретроспективного мышления и преодолеть линейное историографическое мышление.

Ведущий научный сотрудник отдела украинской историографии и специальных исторических дисциплин Института истории Украины Национальной Академии наук Украины И.И. Колесник посвятила свое выступление проблемам категориального аппарата историографии. В частности, речь шла о таких базовых понятиях постнеклассического науковедения и психолингвистики, как «стереотип», «нейролингвистическое программирование» (НЛП) и «конфликт». Рассматривая «историографические стереотипы» как устоявшиеся образцы исторического письма, упрощенные представления об истории и способах ее познания, шаблоны культурного, социального и идеологического мышления, докладчик показала процесс «коррозии» стереотипов под воздействием реальности, особенно в эпоху социальных кризисов. Что касается «НЛП от науки», то это относительно новое пространство использования психотехник для манипулирования корпоративным сознанием может проявляться в виде уничтожения утвердившегося этоса науки и установления новых стандартов. В этом ряду расположены такие «технологии», как: агрессивные словесные стратегии (доминирования или замалчивания), техника «заякорения» (переноса определенного эмоционального состояния с одной ситуации на другую посредством «слова-якоря») и рефрейминг смысла (переименование со смысловым изменением). Затронула И.И. Колесник в своем выступлении и тему академического конфликта и его роли в формировании модели науки.

Заведующий кафедрой истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева С.И. Маловичко обратил внимание на такой важный сюжет в истории исторической науки, как поиск методологического инструментария в период парадигмальных изменений. Он отметил, что с конца XX ст. историография отклонилась от

интерналистского (рационального, прагматически направленного на иерархизацию знания) подхода в изучении прошлого. Индикатором изменения парадигмальной основы историографических исследований стал широкий надрациональный подход, позволяющий сосредоточить внимание на феномене внедисциплинарных интеллектуальных практик. Маловичко подчеркнул, что увеличивающееся число исследовательских полей превратило прошлое исторического знания во множество миров. Но перспективы развития историографической науки, по мнению докладчика, лежат не в плоскости дробления целой дисциплины на фрагменты историографического знания (как, впрочем, и не слиянии с иными познавательными системами), а в выделении ее смыслового ядра, в многообразии подходов историографического синтеза и, одновременно, в четкой фиксации профессиональной территории. Историки пост-постмодерна в поисках актуального коэзистенциального целого человечества обратились к изучению исторических связей между меняющимися культурными пространствами. При этом акценты постепенно смещаются, как и предсказала О.М. Медушевская, с традиционного диахронического подхода на синхроническое исследование системных связей исторического настоящего. Более того, компаративная историография с ее практикой широкого контекстуализма становится отдельным «жанром».

К проблеме трансформации исторической науки на рубеже XX-XXI вв. обратился профессор кафедры прикладной политологии Государственного университета – Высшая школа экономики И.Б. Орлов, отметивший, что происходящие в науке процессы, на первый взгляд, демонстрируют две противоположные тенденции: с одной стороны, усиливается специализация научных дисциплин, а с другой стороны, очевидны отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к научному синтезу. Историк предложил ответить на вопрос о том, какие аргументы приводятся сторонниками семейства «новых историй» в пользу того, чтобы считать современный этап развития

исторической науки (представленный, прежде всего, «новой историей») новой научной парадигмой?

И.Б. Орлов признал наличие новых теорий, концепций и направлений, но при этом заметил, что ни одно из них не выполняет той интегрирующей роли, на которую оказались способны в свое время французская школа «Анналов» или американская «социальная научная история». В итоге в «новой исторической науке» и сегодня отсутствуют общая теория исторического процесса и общий историографический проект, способный объединить значительное число историков из разных стран.

Однако докладчик нашел некоторые объединяющие принципы или общие методологические установки, которые в центр историографического анализа ставят самого историка как субъекта исторического познания. В частности, в качестве общих для различных направлений «новой истории» докладчик выделил несколько эпистемологических принципов: отрицание позитивистского историографического опыта с присущими ему представлениями об истории, пересказывающей содержание источников; акцент на «тотальности» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр реконструкции «рядового» человека и манифестирующей мультикультурность мира; конструирование нового принципа исторической хронологии, в основу которой положены открытие различных ритмов временных изменений и датировка исторических феноменов с точки зрения их продолжительности и эффективности функционирования; необходимость междисциплинарности в рамках наук о человеке при определяющей роли истории.

Все это, вместе взятое, по мнению И.Б. Орлова, позволяет говорить, что у «новой истории» есть серьезный потенциал для формирования общей системы подходов, принципов источниковедческого, историографического анализа и исследовательского инструментария. Местом такой общей «сборки», подчеркнул докладчик, может выступить историографическая площадка. Эти выводы сближаются с мнением О.М. Медушевой о том, что

новая парадигма истории как строгой науки еще не общепризнанна и представлена, скорее, исключениями.

На место и роль дисциплины «Историография» в современной историографической ситуации обратила внимание профессор кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета имени И.И. Мечникова Т.Н. Попова. Акцентируя внимание на вопросах дисциплинарных традиций и возможных вариантах дисциплинарного развития историографии, историк отметила факт стабилизации историографической ситуации в 2000-е годы. С ее точки зрения, научные перспективы дисциплины «Историография» заставляют обратиться к «смыслонасыщению» самого термина «историография» и дисциплинарного ландшафта самой науки. Т.Н. Попова заключила, что уровень профессиональной подготовки нового поколения членов научного сообщества историков во многом зависти от широты историографической (исследовательской и учебно-дидактической) практики.

В выступлении доцента кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды Е.Н. Богдашиной характеризовались социокультурные факторы развития исторической науки на украинских землях во второй половине XIX – начале XX ст. В частности, было рассмотрено влияние этих факторов на распространение позитивизма, в котором интеллигенция пыталась найти ответ на насущные проблемы общественного развития. Докладчик показала, что во второй половине XIX ст. позитивизм стал не только основным научным направлением, но и важным общественным явлением на украинских землях. Популярности позитивизма способствовала как ориентация на новые интеллектуальные стандарты, так и стремление к модернизации общества. Со своей стороны, новые социологические идеи приводили читателей к выводам о необходимости реформ. Показательно, что схожие социокультурные и научные явления наблюдались не только на украинских землях, входивших в состав Российской империи, но и на

территории, оказавшейся в составе Австро-Венгерской империи. Весомую роль в распространении идей позитивизма, помимо прессы и публицистики, особенно в молодежной среде, сыграло чтение соответствующих курсов (по социологии или исторических курсов с социологическим уклоном) в украинских университетах.

Обращение профессора кафедры новой и новейшей истории Одесского университета Д.П. Урсу к науковедческой тематике объясняется желанием «повысить доказательность и адекватность некоторых теоретических положений с помощью методов науковедения». Докладчик вспомнил, что еще в 1980 г. во время разбора его доклада в Институте истории СССР, О.М. Медушевская, приветствуя внимание автора к новым методам в историографическом исследовании, заметила, что зарождающиеся «контент-анализ и цитат-анализ дают интересные выводы, позволяют новые подходы», что может быть расценено как «новый уровень в историографии». В связи с этим Урсу отметил, что «задача превращения историографии в точную науку» остается актуальной, Поэтому он призвал освободить историографические обобщения и оценки «от бесплодной теоретической схоластики и игры в метафоры». По мнению историка, наиболее результативным методом в историографическом исследовании может стать клиометрия.

О нежелании гуманитариев, в том числе историков, к наведению «порядка на основе определенной парадигмы» говорил и профессор кафедры историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин Днепропетровского национального университета имени О. Гончара А.Г. Болебрух. Историк отметил опасность подражания зарубежным исследовательским моделям, особо подчеркнув, что недоверие в возможность получения достоверного исторического знания «сфокусировало внимание на соответствующих этим убеждениям зарубежных разработках». Более того, под влиянием постмодернизма некоторые историки стали смотреть на источники, как на субъективные тексты.

В докладе историков из Днепропетровского университета Т.В. Портновой и А.Е. Чернова «Куновская история науки: “мир природы” или “мир истории”?» было отмечено, что в рамках советской науки, вплоть до начала 1980-х гг. проявлялась «нечувствительность по отношению к методологическим идеям», разрабатываемым в науковедческих дисциплинах и, в частности, в историографии науки. Авторы задались довольно старыми, но от того не ставшими менее актуальными вопросами о том, является ли история наукой, а история науки - историей? По этому поводу они заметили, что «наука, сущность которой пытались и пытаются постигнуть историческими средствами через историю науки, требует постижения самой истории как науки». Тогда как в научном сообществе (особенно среди представителей естественных наук) доминирует представление о «ненаучности» истории как особой отрасли знания. В качестве одной из причин «особого» отношения историков науки к истории, докладчики отметили превалирование у их представления о сущности исторического как прошедшего, как «ставшего», а не «ставшего – становящегося», как у историков.

В докладе заведующей кафедрой источниковедения и дополнительных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета М.Ф. Румянцевой «Парадигмальные механизмы современного историографического исследования» в качестве отправной точки для размышления был выбран анализ парадигмальной ситуации в историческом знании, проведенный О.М. Медушевской в рамках разработки концепции когнитивной истории. Следуя за Медушевской в ее понимании смены парадигм в истории как длительного процесса, проявляющего себя «в целом спектре переходных состояний», Румянцева отметила, что наиболее четко парадигмальный сдвиг проявляется в практике целеполагания историографического исследования. В последнее время актуализация историографической проблематики связана со становлением проблемного поля интеллектуальной истории. Докладчик

предложила изучать историю исторической науки не как историю постоянного «приращения» знания о прошлом человечества, а как историю, создаваемую историками, каждый из которых обладает своей неповторимой индивидуальностью и своим индивидуальным экзистенциальным опытом, как историю трудов и концепций, отвечающих профессиональным нормативам и социальным запросам определенной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации.

В своем докладе Румянцева периодически обращалась к размышлениям О.М. Медушевской о специфике современного исторического знания, в рамках которого происходит борьба двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них идентифицирует себя с философией уникальности и идеографичности исторического знания, исключающей перспективу поиска закономерностей и видящей организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка. Другая парадигма истории как строгой науки стремится выработать совместно с науками о природе общие критерии системности, точности и доказательности нового знания.

В качестве примера сохранения старой парадигмы М.Ф. Румянцева указала на дискуссии вокруг созданной в мае 2009 г. Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Как считает историк, кроме убеждения в кумулятивном характере знания, дискурс «восполнения пробелов» сводит задачу историка к собиранию как можно большего объема фактов, чтобы создать историю «без белых пятен».

Тогда как в нарративистской парадигме, отвечающей требованиям современной исторической науки, целеполагание историографического исследования предполагает анализ не того, что не сделали предшественники, а того, что и, главное, почему они сделали. В рамках парадигмы когнитивной истории, теоретически оформленной О.М. Медушевской, целеполагание историографического исследования заключается еще и в том, что ученый стремится к деконструкции современных изучаемому периоду исторической науки представлений об историческом процессе. Кроме того, по мнению

М.Ф. Румянцевой, «феноменологическая редукция» помогает выявлять отдельные составляющие представлений об историческом процессе, которые формируют профессиональное сознание и самого ученого.

На конференции в выступлениях исследователей украинских и российских академических и университетских центров были также подняты вопросы историографии исторической информатики (И.М. Гарскова) и исторического образования (Л.Ю. Посохова, В.В. Левченко, Ю.А. Киселева, Я.М. Приходько). Судьбам известных и незаслуженно забытых историков были посвящены доклады Н.В. Ростиславлевой, С.А. Чухлий, А.А. Сайпановой и др.

И самое главное, что в выступлениях многих исследователей (например, С.И. Маловичко, И.Б. Орлова, С.И. Посохова, М.Ф. Румянцевой и др.) так или иначе, прозвучала обнадеживающая характеристика «историографической площадки» как места «сборки» новой исторической парадигмы.